

предпочтительным для зачатия — и по причине относительной свободы от трудовых процессов, и по причине повышенной нормы потребления пищи, обеспечиваемой недавним урожаем.

Есть и более скрытые формы природных циклов, находящих отражение (через приспособление) в циклах общественных. Так, при устойчивых формах хозяйственной деятельности и при относительной константе интенсивности и массы осадков существует константа скорости истощения почв, диктующая необходимость перелога. Соответственно этому природные процессы в почвах на земельных угодьях определяют скорость и цикл смены полей, а также движения поселений по некоторым замкнутым периодам в ограниченных пространствах. К примеру, в конкретной деревне (или, скорее, выселке) цикл полей может быть 15–25 лет, а цикл движения поселения (выселка) в закрепленном за ним традицией пространстве — 75–125 лет. То есть через такой промежуток времени поселение возвращается примерно на то же место, с которого начинается условный отсчет. Эти большие и малые ротации можно рассматривать как культурную норму, но обусловлена она скоростью истощения почв, т.е. трансформацией природного фактора под воздействием культурного, но с последующей природообусловленной регенерацией.

Образ занятий жизнеобеспечивающей сферы

Говоря о природной составляющей сфер труда в традиционной хозяйственной системе бамбара, важно констатировать факт перехода этой системы от изначального «первичного природообмена» к «первичному природопользованию». Однако даже в наше время процесс этот далек от завершения. Вероятно, для традиционного образа жизни и производства бамбара правильнее говорить о промежуточной и в то же время еще не очень отчетливой фазе господства натурального хозяйства. И хотя эта качественно определенная, исторически предшествовавшая система выступает ныне в значительно трансформированной форме, все-таки применительно к хозяйственной стратегии бамбара уместнее говорить о сохраняющейся как доминантной реализации принципов «первичного природообмена» лишь с элементами и начальными признаками первичного природопользования.

При этом под «первичным природообменом» я понимаю стратегию соблюдения равновесия в отношениях с природой, когда, отчуждая у природы ее продукт, люди в прямой или ритуальной форме «возвращают» природе «эквивалент» изъятого. Это может быть и отделение

доли отчужденного или принесение «жертвы» (в форме признаваемого пригодным и эквивалентным продукта). В любом случае люди отчуждают лишь необходимое и в соразмерных с потребностями и возможностями потребления объемах. «Первичный природообмен» — это, фигурально выражаясь, стратегия «партнерских», «договорных» отношений между людьми и природой. Он вызревает из начального состояния социогенеза и соответствующих ему форм мироотражения, являясь и проявлением практики жизни, и формой ее осмысления и регламентации. Эта система относится к тому этапу человеческой эволюции, который может обозначаться терминологически как «архаический». Это этап, когда люди ощущают себя комфортно в лоне природы и при этом осознают, прямо или косвенно, свою зависимость от происходящих в ней процессов.

«Первичное природопользование» в свою очередь отражает следующий исторически этап и хозяйственных стратегий, и способов их отражения и осмысления. К моменту его утверждения в качестве ведущей формы организации бытия люди уже частично самоотстраняются, «самоотчуждаются» от «царства природы». На этом этапе появляются установки на право людей «потреблять от лона природы», использовать ее в своих интересах, накапливать произведенное. Возникают производство и присвоение продукта «на продажу», т.е. «товара», и всеобщий эквивалент «продуктов и услуг» — «деньги». Формируется товарно-денежный оборот. Это начало цивилизационного этапа человеческой истории. В его логике появляется феномен «государства». А потребительское отношение к природе, равно как и исток обоснования этого нового порядка, оформляет «закон», освященный представлениями о боге/богах как воплощении основ мирового устройства и регуляторе процессов во всех сферах жизни.

Соответственно сделанной констатации реального состояния уровня эволюции хозяйственной системы бамбара как первичного природообмена с элементами первичного природопользования (констатации вполне эмпирического характера) можно говорить об относительном балансе природных и культурных факторов в структуре производительных сил. Но при этом необходимо и отметить высокую значимость природообусловленного компонента — средств производства (земли, состояния погоды и т.п.) — в определении производительности труда да и самих форм труда, обеспечивающих жизневоспроизводство бамбара. Здесь «первичная природа» (земля, фауна, флора) выступает приоритетно значимой и на «входе» (предмет труда, средства труда), и на «выходе» (предметы поддержания жизни, про-

дукты труда) хозяйственной части системы жизнеобеспечения бамбара. Это и обуславливает формы труда (как прямо приложимые к природе), и выступает следствием неготовности, а возможно, и неспособности действующей системы самостоятельно, без социального и экономического насилия преодолеть природную обусловленность основного источника поддержания жизни. И элементом этого выступает нежелание населения создавать излишки, интенсифицировать труд, его производительность, накапливать результаты труда. Но само это нежелание при всей видимости роли субъективного фактора на самом деле глубоко мотивировано основными ценностными установками, закрепленными традициями предшествовавших поколений.

Можно еще раз подчеркнуть, что для бамбара основными занятиями выступают земледелие и охота, которые под воздействием обстоятельств (иногда и природообусловленных — катаклизмов, засух и т.п.) на некоторых исторических этапах могли переходить в «социально обусловленные» (войны за захват урожая, рабов как трудовых и популяционных ресурсов и т.п.). Однако нельзя преуменьшить вторжение вторичных форм разделения труда с выделением в самостоятельные или полусамостоятельные сферы ремесел и торговли. Эти занятия в едином хозяйственном комплексе с земледелием и охотой позволяют совершенствовать орудийную базу труда, выходить на вторичные формы взаимодействия с природой, сокращая видимую зависимость от нее.

Для музеев с их коллекциями орудий труда эта природная предопределенность орудия как посредника между «природой человека» и «природой вне человека», подмеченная Д.А. Ольдерогге [Ольдерогге 1966: 3–10], представляет особую значимость. Для МАЭ это еще и особый источниковедческий материал (см. колл. № 1688, 6541, 6711 и др.), ключи к которому еще следует найти. Хотя и здесь уже немало сделано Д.А. Ольдерогге, В.М. Мисюгиным, З.Л. Пугач, А.И. Собченко [Ольдерогге 1966; Мисюгин 1998; Мисюгин, Пугач 1978 и др.].

Применительно к собранию самих орудий земледельческого труда бамбара нельзя обойти стороной коллекцию, привезенную и опубликованную Д.А. Ольдерогге [Ольдерогге 1966]. В МАЭ она хранится под номером 6541. Она немногочисленна (всего около 10 единиц), но важна концептуально — как воплощение в предметах подлинной традиции земледелия в ограниченном регионе. Эта коллекция вполне репрезентативна (именно по комплексности отражения более или менее локальной культурной группы) представляет идею развитости, инструментальной сложности и приспособленности этого земледелия

к условиям среды. И в самой этой приспособленности содержится ключевой принцип всех локальных, региональных и трансконтинентальных форм бытия африканцев: встраивание в природу, чувствование ее и действие в согласии с ней. Это надо было осознать и показать. Д.А. Ольдерогге убедился в этом в полевых условиях в Мали [Ольдерогге 1966: 3–10]. Демонстрация же этой идеи на конкретных специализированных орудиях труда «материально» подтвердила его тезис и явилась важным вкладом в материалистическое понимание основ жизни и мироотражения африканцев. Это было одно из рубежных, эпохальных событий, внешне не очень ярких, но существенных для истории науки. К тому же опыт, приобретенный Д.А. Ольдерогге при изучении этих орудий, давал хорошую аргументацию для опровержения тезиса о «неразвитости», «отсталости» традиционного производства африканцев [Ольдерогге 1966]. Аналогичное исследование и практически одновременно с Д.А. Ольдерогге провел и французский исследователь А. Ролен [Raulin 1967]. Статья Д.А. Ольдерогге содержит, в частности, следующие описания основных образцов этой коллекции [Ольдерогге 1966]:

№ 6541-1. Мотыга «фалу». Применяется для обработки поля под посев проса, фонио и других зерновых культур. Этим орудием перекапывают землю. Предположительно орудие труда мужчин.

Представляет собой близкое к треугольнику плоское чуть выгнутое железное кованое рабочее лезвие, переходящее в противоположной к рабочей кромке вершине в штырь, который вставляется в расширенную до шарообразной вершину рукоятки.

Рукоятка изготовлена из цельного куска дерева. Шарообразная вершина служит одновременно и утяжелителем, способствующим умножению момента силы при ударе лезвия о поверхность земли. Такого рода усиление орудий труда утяжелением в их рукоятке части, несущей рабочий элемент (лезвие мотыги, топора, тесла и т.п.), широко распространено как конструкционный прием во всем Западносуданском регионе.

Сбор Д.А. Ольдерогге в 1963–1964 гг.

Длина рукоятки 47 см; длина лезвия 18 см.

Народ — бамбара.

№ 6541-2. Мотыга «соли». Мотыга с прямым удлиненным лезвием для обработки почвы. Употребляется в западной части ареала бамбара от Сегу до Кая как мужчинами, так и женщинами. Конструктивно аналогична № 6541-1. Отличается более вытянутым лезвием, ассоциируемым с зубом.

Сбор Д.А. Ольдерогге в 1963–1964 гг.

Длина рукояти 49 см; длина лезвия 18 см.

Народ — бамбара.

№ 6541-3. Топор «джеле». Употребляется для вырубки кустов и деревьев перед началом обработки почвы. Им рубят хворост, мелкие сучья, стволы небольших деревьев при заготовке дров и т.п.

Название «джеле» встречается в районах Бамако, Сегу и Беледугу. В районе Кая такого типа топоры называются «джинде», а в Кангаба — «такаран».

Сбор Д.А. Ольдерогге в 1963–1964 гг.

Длина рукояти 58 см; длина лезвия 17,5 см.

Народ — бамбара.

Пл способу изготовления и конструкционно топор почти ничем не отличается от мотыг № 6541-1, 2 и др. Та же однотипная рукоятка (топорище) с утяжелителем на принимающем лезвие конце, тот же принцип вкладывания лезвия в массивную часть рукоятки. Та же конструкционная особенность лезвия, напоминающая по построению орудия из камня (см. во Введении описание каменного рубила из района Бамако № 6855-81) — прямой клин из железа, который может быть изготовлен как горячей, так и холодной ковкой. Такой тип топора наиболее распространен и встречается в нескольких отличающихся только размерами вариантах: малые (№ 6711-21), средние и очень большие, позволяющие валить массивные деревья. Нередко носится на плече.

Кроме того, среди инструментов, предназначенных для рубки, у бамбара имеются специфические охотничьи топоры «семен» (№ 7291-6 а, б) и топоры для рубки мяса и рыбы (№ 7291-8). Последние отличаются от «джеле» только тем, что лезвие их прямоугольное.

А вот топоры охотников «семен» имеют лезвие, переходящее на оконечности крепления к топорищу не в штырь, забиваемый в рукоятку (топорище), но во втулку, образуемую загнутыми концами лезвия и надеваемую на «г»-образный выступ топорища.

№ 6541-4. Тесло «деселан». Несмотря на то что это главный инструмент деревообработки, условно его тоже можно отнести к орудиям земледельческой практики, поскольку по сути это та же мотыга «соли» (№ 6541-2), только меньше по размерам и с чуть более зауженным и утолщенным лезвием. В коллекции МАЭ есть аналогичный предмет № 6711-8, происходящий из сборов В.Р. Арсеньева в 1972 г. Д.А. Ольдерогге так описывает предмет № 6541-4:

«Тесло *deselan* служит для снятия коры при обработке дерева. При помощи таких тесел делают рукояти для всех земледельческих орудий.

Deselan — основное орудие для изготовления статуэток, масок и других поделок из дерева. Название *deselan* распространено в районе Бамако. За его пределами это орудие называют *somé*, например в Сегу и Кае» [Ольдерогге 1966: 7].

Длина рукояти 36 см; длина лезвия 14 см.

Народ — бамбара.

№ 6541-5. Мотыга «катере». Имеет короткую рукоять и узкое длинное лезвие. Предназначена для рыхления земли, чтобы вода могла проникать к корням растений. Название это распространено как в районе Бамако, Сегу, так и в Кае. В районе Кангаба это орудие называют *sombe*.

Сбор Д.А. Ольдерогге 1963–1964 гг.

Длина рукояти 33 см; длина лезвия 24 см.

Народ — бамбара.

№ 6541-6. Мотыга «пелу». Имеет вид совка, рабочее лезвие которого обращено к самому земледельцу; поверхность этого лезвия движется почти по касательной по отношению к работающему. Он как бы подгребаёт срезанный слой почвы под себя.

Относится к категории мотыг, при помощи которых насыпаются холмики для выращивания корнеплодов, формируются грядки на огородах, выравниваются проходы между ними. Во время работы мотыгу держат за оба конца деревянной рукояти. Для этого на ее дальней оконечности делают выступ. Собственно рукоять изготавливается из суковатой палки, образующей угол примерно в 30 градусов. На обработанный сучок надевается кованое лезвие со втулкой. На предмете № 6541-6 нижняя часть втулки приклепана к плоскости лезвия. Эти мотыги применяются преимущественно в районе Сикассо, где климат более влажный (и почвы менее подвергнуты латеритизации, чем в в саванне. — В.А.). Однако мотыги подобного рода встречаются и в районах Сегу и Бамако. Возможно, что *pelu* не что иное, как измененное французское слово *pelle* («лопата»).

Сбор Д.А. Ольдерогге 1963–1964 гг.

Длина рукояти 59 см; длина лезвия 38 см.

Народ — бамбара.

№ 6541-7. Мотыга «йугу-йугу-келан». Служит для разрыхления почвы при возделывании томатов и картофеля. Лезвие этого вида мотыги имеет форму гвоздя, что позволяет рыхлить землю у самых корней растений.

По конструкционным особенностям полностью соответствует типовому устройству мотыг в инвентаре бамбара. Только лезвие не имеет уплощений и, подобно шилу или гвоздю, втыкается в почву.

Сбор Д.А. Ольдерогге 1963—1964 гг.

*Длина рукояти 29 см; длина лезвия 20 см.
Народ — бамбара.*

№ 6541-8. Мотыга «чиро».

Аналогична № 6541-6 «пелу». Отличается лишь способом крепления лезвия. У «чиро» — плоское, напоминающее лопату лезвие, как это типично для орудий такого рода в данном регионе, вставляется в утолщенную часть рукояти. Распространена в районе Сикассо.

Сбор Д.А. Ольдерогге 1963–1964 гг.

Длина рукояти 45 см; длина лезвия 37 см.

Народ — бамбара.

№ 6541-9. Мотыга «мало-сене-даба». Представляет обычный тип мотыг, характерных для данного региона. С прямой рукоятью. Лезвие вставлено в утолщенную часть рукояти под углом примерно 60 градусов. Само лезвие имеет форму, близкую к ромбу. Вдоль оси ковкой выявлен валик утолщения. Используется в районе Сегу, где имеются аллювиальные почвы, для возделывания рисовых полей.

Сбор Д.А. Ольдерогге 1963–1964 гг.

Длина рукояти 70 см; длина лезвия 29 см.

Народ — бамбара.

Из последующих коллекций, пополнивших материальное отражение земледельческого инвентаря бамбара, надо упомянуть три предмета из моих сборов в 1974 г.: серп, мотыгу и топор.

№ 6796-39. Серп «волосо». Имеет характерную для данного региона форму: загнутое, отклоненное от оси рукоятки лезвие. Конец лезвия, крепящийся к ручке, имеет форму знака «пик» в игральных картах. Острый конец вставляется в отверстие в рукоятке и загибается в сторону лезвия для фиксации, округлые части обхватывают рукоятку. Внешний край лезвия расширен и тупой, внутренний — острый. Ручка деревянная, грубо обработанная, что, пожалуй, вполне практично, т.к. уменьшает эффект скольжения и вращения ручки в ладони (тем более потной) во время работы. Лезвие изготовлено из железа, имеет следыковки.

На языке бамбара называется «волосо». Среди бамбара и родственных земледельческих народов Западного Судана встречается повсеместно.

Приобретен 24 февраля 1974 г. на улице в квартале Волофо-бугу-Болибана в Бамако у торговца с «джаму» Траоре за 400 малийских франков.

Полевой номер A125.

Длина 48,2 см; ширина 3,3 см.

Сохранность хорошая.

Народ — бамбара.

№ 6796-40. Мотыга «соли» (или «чоло»). Имеет строго определенную функцию: служит для проделывания лунок перед посевом.

Длинное железное, кованное из двух соединенных железных полос лезвие находится под острым углом к рукоятке. Исходные полосы закручены в процессе сковки. Рукоятка сделана из куска дерева с утолщением на конце, к которому в проделанное отверстие крепится лезвие.

На языке бамбара этот тип мотыги называется «соли» (известно также название «чоло»).

Приобретена 24 февраля 1974 г. на улице в квартале Волофо-бугу-Болибана в Бамако у торговца с «джаму» Траоре за 150 малийских франков.

Полевой номер А126.

Рукоятка: длина 35,0 см; ширина 5,8 см.

Лезвие: длина 30,0 см; ширина 1,0 см.

Сохранность — хорошая. Небольшой налет ржавчины.

Народ — бамбара.

№ 6796-41. Топор «джеле». Собственно топор (лезвие) изготовлен из железа ковкой. Имеет форму длинного равнобедренного треугольника (или клина), острая вершина которого вставляется в отверстие в рукоятке, а основание заострено и заточено и служит рабочей частью. Рукоятка (топорище) изготовлена из дерева твердой породы, имеет утолщение в верхней части, которое служит утяжелителем. Здесь же имеется сквозное отверстие, в которое вставляется лезвие топора. Отражает характерный тип топора, именуемого на языке бамбара «джеле» (см. № 6541-3).

Приобретен 24 февраля 1074 г. на улице в квартале Волофо-бугу-Болибана в Бамако у торговца с «джаму» Траоре за 250 малийских франков.

Полевой номер А127.

Лезвие: длина 18,0 см; ширина 4,8 см.

Топорище: длина 36,0 см; толщина 5,0 см.

Сохранность хорошая.

Народ — бамбара.

Циклы занятий. Повторяющаяся смена времен года диктует череду сезонных занятий: земледелие -> охота, ткачество, собирательство -> земледелие -> ... Причем все эти занятия происходят в прямом природном окружении, по отношению к самой природе и для поддержания собственно природной составляющей самих людей: их жизни, биологического существования.

В каждом трудовом действии есть свой конечный сценарий, который неизбежно будет вновь и вновь разыгрываться, воплощаться в продолженном действии по мере достижения результата (продукта) и потребления готового продукта, его обмена или иной формы выведения из прямого оборота (например, накоплением запасов).

Эта монотонность, размеренность действий в пределах одного цикла созвучна неторопливости, размеренности процессов в самом годовом цикле смены суши и дождя, жары и холода. Соотношение числа работающих к числу всей популяции в сочетании с их производительностью труда, объемом отдачи труда, компенсацией трудовых затрат исключают интенсификацию, нарастание темпов трудовой активности. Этому же способствует и отсутствие установки на накопление, расширенное производство и воспроизводство жизненных средств. Возвратность действий, состояний совпадает и в восприятии природы, и в самовосприятии бамбара.

Образ времени. Постоянная повторяемость в природе и обществе сама по себе позволяет говорить о высокой степени нерасчлененности этих явлений, об «обществе в природе» или о «природном обществе», каковым во многом и следует рассматривать общество бамбара. Естественно предположить и нерелевантность понятия «время» для характеристики мироощущения бамбара, поскольку нет очевидной необходимости рассматривать движение жизни как необратимый поток. Можно скорее говорить об иерархической системе круговоротов повторяющихся событий [Арсеньев 1992: 36–39; 1996: 172–212]. Здесь даже «жизнь» и «смерть» не фатальны для особи или популяции. Как и «пласты времени», вернее, события прихода в жизнь и ухода из нее возвратны. Более подробное рассмотрение вопроса о времени, некорректности приписывать это считающееся фундаментальным для современной физики понятие содержится во Введении и в следующих главах.

Хозяйственная основа образа жизни. Материальное производство составляет базу, условие поддержания жизни. В реальных формах оно

наследуется и передается из поколения в поколение. Такая форма передачи навыков специализированной хозяйственной деятельности связана с исторической сменой форм разделения труда. В первичной/природной основе его лежит половозрастное разделение труда. Затем оно проходит фазу специализации по земледелию и скотоводству, разводя уже не только социальные, но и культурные группы. Еще один этап — выделение ремесла. Именно на этом этапе в недрах одного социума и в целом одной культуры происходит формирование относительно изолированных друг от друга в системе родственных коллективов иерархизованных групп, которые принято идентифицировать с кастовым устройством общества. И как раз здесь специализация по сфере труда оказывается тесно связанной с обособленностью и замкнутостью родственных коллективов по единству хозяйственной деятельности.

Сами формы труда, отношение к производству входят в ценностную нормативную систему, цель которой — обеспечить волю людей к согласованным, апробированным практикой действиям по добыче и производству средств жизни. Для бамбара, живущих в условиях, близких к «первичному природообмену», роль природного фактора, природной детерминации условий жизни трудно переоценить. Их хозяйственную систему еще совсем недавно, лет двадцать-тридцать тому назад, с полным правом можно было называть «натуральной». Однако в дальнейшем эта система подверглась довольно решительному вторжению товаризации земледельческого производства вследствие возникновения ажиотажного спроса на рынке хлопка. Это предопределялось дефицитом предложения на мировом рынке и соответствующим повышением закупочных цен. И все же в целом земледелие бамбара остается традиционным и соответственно натуральным либо не порвавшим с доминантой природной составляющей над товарной, сохраняя возможность полностью вернуться к натуральной форме при определенном стечении обстоятельств.

Эта традиционная хозяйственная система, выступающая результатом длительного процесса адаптации к природным условиям и их медленной, растянутой на тысячелетия эволюции, прошла несколько этапов становления, диверсификации и специализации производства и обмена. К периоду столкновения с развитыми товарно-денежными хозяйственными системами Европы, основанными на принципах индустриального производства, т.е. к моменту колонизации на рубеже XIX–XX вв., хозяйственный комплекс бамбара был полностью самодостаточен при том уровне потребностей, которые воспроизводились

в обществе. Кстати, разрушение этой весьма устойчивой в основах своих натуральной системы в последующем происходит во многом не под воздействием более эффективных форм хозяйствования «индустриального общества», а вследствие постепенно нарастающего спроса на внесистемные для натурального хозяйства продукты цивилизации. Зачастую эти продукты оказываются и менее трудоемкими, и менее трудозатратными в получении и приобретении. Они могут более эффективно заменять продукты натурального хозяйства — и в силу своей престижности, и в силу большей доступности, дешевизны и простоты в приобретении.

Для музейного коллекционирования важно отметить, что до поры до времени «индустриальные» предметы, их «деривации», комбинации с продукцией натурального производства не влияют радикально на основную хозяйственную модель. Идет сложный переходный процесс внедрения иносистемных элементов. При сиюминутной констатации возможен вывод о синкретизме разных типологических форм. Но динамика указывает на необратимость инновационной тенденции. Так, внедрение в повседневность керогазов и керосинок (рекламу которых мне доводилось наблюдать в Мали) при всем стремлении ограничить вырубку лесов на дрова порождает потребность в керосине, в механике, лежащей за рамками технических возможностей традиционных кузнецов. В свое время на этапах, предшествовавших колонизации, и долгое время после нее значительную роль в расшатывании традиционной хозяйственной парадигмы сыграл спрос на соль, порох, сахар, мыло, сгущенное молоко.

Земледелие обеспечивает основную базу продовольствия в пищевом рационе бамбара. Оценочно можно утверждать, что это не менее 80 % потребляемого питания: каши, выпечка, хлеб, корнеплоды.

На этапе прямой связи с природой, который почти исчерпывающе характеризует основы традиционного образа жизни бамбара — «первичный природообмен» (с элементами первичного природопользования), производящая деятельность выступает больше, чем просто хозяйственная сфера. Это образ жизни, код ее организации, способ вписания общества в природный процесс. В этом смысле бамбара, безусловно, являются «земледельческим народом». В какой-то мере земледельческая деятельность бамбара сама по себе может рассматриваться как деятельность «природная», как природное воспроизводство жизни, в какой-то степени даже более «природное», чем «культурное», до того это производство и воспроизводство жизненного

ресурса общества выступает естественным выражением единого, целостного с природой мироощущения и поведения. Образ самой земли как живого существа, его олицетворение в обрядовой ситуации в антилопе как партнера людей дает повод для подобного видения. Хотя, конечно, нельзя отрицать, что уже само «земледелие» есть прямая ассоциация с «культурой», будучи начальным смысловым пластом.

Образ существования бамбара как земледельческого этноса складывается в результате взаимодействия и взаимной обусловленности ряда факторов, в котором сам факт занятия земледелием решающий. Он предопределяет формы труда, формы общественных коллективов, мировоззренческие, символические системы. И это тоже показатель того, насколько непросто разводить по сущностному параметру характерное для этнографии деление «культуры» на «материальную» и «духовную». Так, казалось бы, вполне материальный и прагматичный производственный земледельческий процесс есть одновременно и процесс символический, исполненный скрытых смыслов, «завязанный» на мировоззренческую систему и выступающий одновременно как обрядовое действо. Обработка поля мотыгой есть не только подобие прокреации, ментально оно так и воспринимается. Земледелие во многих инструментальных и процедурных воплощениях являет собой зримую и мнимую аналогию копуляции, а сбор урожая ассоциируется у бамбара с актом рождения [Арсеньев 1998в: 203–204].

Разумеется, эта детерминированность земледельческой идеологией проявляется у бамбара лишь в конечном счете, ибо доля земледелия в хозяйственном обороте и его формы выступают следствием унаследованного образа существования, уровня развития производительных сил, в частности инструментальной и технологической сторон производства, а также следствием прямых природных компонентов: климата, почв, географического положения «страны бамбара».

Земледелие у бамбара — свидетельство перехода от присваивающих к производящим формам деятельности. Об этом уже говорилось — и не раз — с уточнением, что пока еще в целом это земледелие остается натуральным с возникшими проявлениями товарности. С этой точки зрения показательно, что у бамбара имеются два разных качественных варианта земледельческой деятельности: большое (полевое) земледелие и малое (огородное). Полевое земледелие полностью зависит от естественных почв, режима осадков. Это удел мужчин, работающих на угодьях, принадлежащих коллективам совместного проживания и воспроизводства жизни: семьям («ду») и деревням («дугу»). Именно полевое земледелие дает основную массу продовольственного продукта:

зерновых и корнеплодов. Огородничество — сфера индивидуального труда на угодьях, закрепленных за отдельными членами «ду», прежде всего женщинами. Эти угодья незначительны по размерам, почвы на них часто искусственно перенесенные, а орошение идет через полив из близлежащих источников (рек, ручьев, прудов, колодцев). На огородах выращиваются второстепенные и дополнительные для пищевого рациона культуры — томаты, бахчевые, перец, травы, идущие в приправы. Но именно в огородничестве, в «женской» составляющей земледельческого производства с наибольшей очевидностью проявляются первые признаки товарности.

Земледелие у бамбара является весьма трудоемкой хозяйственной сферой, а продуктивность его при традиционных формах труда лишь обеспечивает слабое по устойчивости равновесие между реальным продуктом и нормой потребления, обеспечивающей выживание. Впрочем, сложившаяся исторически и мировоззренчески норма потребления ориентировалась на обеспечение этого баланса как условия выживания, а не на накопление, не на расширенное воспроизводство системы.

Охота, рыбная ловля, собирательство сохраняют значение в хозяйственной системе бамбара — той ее части, что обеспечивает продовольственное потребление. Эти сферы деятельности были базовыми на этапе глубокой архаики, еще более тесно соединяя образ жизни предков бамбара с природными процессами. Однако и как форма труда, и как источник средств жизни, и как особый пласт культуры, мироощущения эти области деятельности людей обладают весьма значительным влиянием на образ жизни и мышления бамбара. Достаточно упомянуть их охотничьи союзы, которые выступают весьма важным элементом в системе традиционного социального управления, в культовой практике, и в практических знаниях и навыках, обеспечивая хранение, приумножение и передачу близких к натурфилософским представлений, этических норм — основ осознанного поведения общественных коллективов и их членов в процессе жизни.

МАЭ располагает немалым овеществленным потенциалом для изучения промысловой сферы в культуре бамбара. В его фондах имеются десятки соответствующих предметов (колл. № 1688, 6707, 6711 и др.). Перспективными в этом плане могли бы выступать исследования хозяйственной, инструментальной сторон промыслово-собирательской деятельности, ее соотносимости и связи с другими сторонами хозяйственного комплекса, в частности с аграрным и ремесленным производством. Интересным было бы выявление в реально накоплен-

ных предметах знаковых элементов, их коррелятов, систем, раскрывающих осознанные и неосознанные, вербализованные и невербализованные связи и взаимные переходы аспектов и сторон жизни в их реальном воплощении и в овеществленной форме (например, власть и управление, картины мира, ментальные коды и т.п.).

Для примера можно указать на несколько групп предметов, связанных с самым архаическим в истории человечества хозяйственным комплексом, соединяющим охоту, рыбную ловлю и собирательство. Следует оговориться, что формирование этого комплекса заведомо опережало этногенетические процессы в регионе, равно как и во многом предопределявшее их большое общественное разделение труда, влиявшее на хозяйственную специализацию общественных коллективов, а с ним и на формирование хозяйственно специализированных культурных групп — этносов. Именно поэтому охотничий инвентарь для добычи зверя и птицы более или менее идентичен для всех земледельческих групп населения региона. То же характеризует и добычу рыбного богатства (от рыбной ловли до охоты на крупную водную живность): инвентарь коренных насельников речной зоны, специализирующихся на рыболовстве, — бозо — совпадает во многом с орудиями труда сомоно, групп земледельцев бамбара из речной зоны, включивших рыболовство в свою хозяйственную систему.

Для конкретизации общих рассуждений я привожу в сокращениях описания образцов охотничьего инвентаря из коллекций Л. Фробениуса и моих собственных сборов, хранящихся в фондах МАЭ. Первоначально коллекция Л. Фробениуса № 1688 описана Д.А. Ольдерогге. В дальнейшем я сделал к ней дополнения, а некоторые предметы описал заново. Что касается предметов моих сборов, то все они описаны мною.

Охотничий инвентарь

№ 1688-108 а, б. Ловушка для зверя. Вероятно, действует по принципу капкана, прихлопывая небольшое животное, оказывающееся в зоне действия подвижной части. Скорее всего, в качестве энергетического заряда действия выступают природные пружинные качества веревки (а) при ее закручивании и палочки из бамбука (б), она, видимо, резко распрямляется под воздействием движений жертвы и прихлопывает ее, лишая двигательных способностей (по Д.А. Ольдерогге).

а). Кусок ствола (или сук) дерева толщиной 3,5 см, который согнут дугой и стянут веревкой. Посередине к веревке прикреплена палочка длиной 26 см, гладко обструганная и заостренная на конце.